

УДК 001.35

**ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
В МЕТАФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И.П. ПАВЛОВА**

канд. филос. наук В.И. ИОНЕ
(Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь)

Исследуется тема, актуальность которой обусловлена необходимостью изучения закономерностей природы и специфики процессов сциентизации и технизации современного общества, которые приводят к кризису гуманистического мирозерцания, широкому распространению «социальных технологий» и дегуманизированных стратегий позитивной, рациональной реорганизации социума. Рассматриваются и подвергаются критическому анализу метанаучные спекуляции И.П. Павлова. Характеризуются такие понятия, как «физиологическое мышление» и «естественнонаучный ум». Анализируются проблемы истины и свободы в контексте сциентистских воззрений. Делается вывод о репрессивной направленности взглядов Павлова на общественное устройство.

Введение. Сциентизм как воззрение, отводящее «точным» наукам исключительное место в духовной культуре человечества, – явление, широко распространенное в техногенных (индустриальных и постиндустриальных) обществах. Он присущ не только «работникам умственного труда», в том числе ученым, но и людям, совершенно далеким от науки, часто выступая в качестве общего места на уровне обыденного мировоззрения. Изучение разнообразных социальных практик, сформировавшихся под влиянием науки, позволяет увязать сциентизм с явными или неявными стремлениями к рационалистической реорганизации общества, с утопическим прожектерством и социальной инженерией. При этом подавляющее большинство проектов по «совершенствованию» социума при помощи одной только науки грешат превратной трактовкой или отрицанием индивидуальной свободы.

Цель настоящей работы – реконструкция и критика сциентистских воззрений академика И.П. Павлова, выступающих в качестве фона его физиологических исследований. Элементы концепции «условных рефлексов» рассматриваются здесь в широком социокультурном контексте как инструменты для создания репрессивной социальной среды. Основным методом исследования является логико-содержательный анализ текста первоисточника – сборника докладов Павлова «Рефлекс свободы» [1].

Исследование данной проблематики осуществляется в рамках научного проекта «Религиозный сциентизм и культ науки как основания социальной инженерии». Результаты исследования ранее были опубликованы в ряде статей [2 – 5].

Основная часть

Характеристика «физиологического мышления» и «физиологической истины». Вопрос о том, что есть истина с позиции сциентистского мирозерцания, может быть поставлен путем выделения и анализа идеалистического компонента учения академика И.П. Павлова, т.е. характерной для него совокупности предубеждений, выводимых напрямую (без посредства субъекта) из порядка сущего и стоящих по ту сторону научных манипуляций со следами опыта. «Естествознание – это работа человеческого ума, обращенного к природе и исследующего ее без каких-либо толкований и понятий, заимствованных из других источников, кроме самой внешней природы» [1, с. 20]. Здесь мы имеем дело с претензией на чистую объективность или истину в последней инстанции. Необходимо только иметь в виду, что подлинно сущее у Павлова всегда отодвигается на задний план располагаемым ближе к субъекту мнимо сущим, и то, что говорится об объективности *природного*, скрывает реальность *социального*.

Иными словами, осуществляемый Павловым переход от чисто физиологических вопросов к области психических явлений *без изменений методического фронта* имеет целью создание «физиологии социального» как теоретической основы социальной инженерии. «Но ясно, что это будущее физиологическое достояние и составит в значительной степени истинное решение тех мучительных задач, которые испокон века занимают и терзают человеческое существо. Неисчислимы выгоды и чрезвычайное могущество получит над собой человек, когда естествоиспытатель другого человека подвергнет такому же внешнему анализу, как должен он это делать со всяким объектом природы, когда человеческий ум посмотрит на себя не изнутри, а снаружи» [1, с. 34].

Физиологическое мышление, к которому апеллирует Павлов, видимую целесообразность явлений, проявление разумности в наблюдаемых фактах сводит к побочному эффекту «точной связи элементов сложной системы между собой и всего их комплекса с окружающей обстановкой». Причем это «совершенно то же самое, что можно видеть в любом мертвом теле» [1, с. 4].

Таким образом, физиологическое мышление – это в первую очередь мышление, отрицающее свое созидательное присутствие в последовательности «фактов» так же, как и свободное движение разума, сквозь фрагментированную им реальность, мышление, противопоставляющее вездесущности смысла «универсальность» и «роковой характер» физиологического описания.

Оно стремится к умерщвлению объектов, на которые направлено, независимо от их природы: никакого витализма, никакого анимизма. «Для натуралиста все – в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину, и с этой только, обязательной для него, точки зрения душа, как натуралистический принцип, не только не нужна ему, а даже вредно давала бы себя знать на его работе...» [1, с. 18]. И в соответствии со стремлением обезвредить душу, остановить истину как процесс, превратив ее в статичный монолит, совпадающий с порядком сущего, – метод «анатомического анализа» – «систематическое дробление и нарушение центральной нервной системы» подопытных существ с последующим механическим соединением осколков.

Помимо прочего, физиологическое мышление ставит себя вне субъекта. Внутренняя жизнь субъекта, воплощенная в его желаниях, представлениях и мыслях, выносится за скобки, а в качестве их «субстрата», т.е. объективированной формы, доступной количественному измерению и научному анализу, предлагается слюнная либо какая-либо иная физиологическая реакция [1, с. 13]. Более того, в действительности занимая по отношению к субъективному репрессивную позицию, в своем дискурсе физиологическое мышление инвертирует это отношение и заявляет о совершаемом над ним насилии со стороны субъекта [1, с. 33].

В физиологическом поле процесс мышления в сущности ничем не отличается от процесса пищеварения, а страдания субъекта, отчужденные и преобразованные в научный факт, становятся кирпичиком в пирамиде сущего. «Полученные объективные данные... наука перенесет рано или поздно и на наш объективный мир... уяснит механизм и жизненный смысл того, что занимает человека всего более – его сознание, муки его сознания» [1, с. 17].

Некрофильские побуждения, прорывающиеся сквозь поток физиологического мышления, выдают его механицизм, который для самого Павлова не является секретом. Напротив, механика – это вполне осознанный идеал Павловской физиологии [1, с. 25, 34]. И если верно, что за всякими рассуждениями об универсальности и общезначимости истины скрывается воля к власти, то основной принцип физиологической логики должен фиксировать следующую закономерность: чем меньше жизни остается в объекте, тем большей властью над ним обладает исследователь и тем более научным становится его дискурс.

Еще одна отличительная черта физиологического мышления, согласно Павлову, – это его пространственный характер [1, с. 56], что предполагает преимущественное использование категорий, которые фиксируют и описывают срезы процесса распределения материи. Именно этот пространственный характер физиологического мышления делает его лучшим средством формирования крепостного права для субъекта, т.е. средством принудительной территориализации его жизненных потоков. Хорошей иллюстрацией такой территориализации являются рассуждения Павлова о природе сознания и бессознательного: «... сознание представляется мне нервной деятельностью определенного участка больших полушарий, в данный момент, при данных условиях, обладающего известной оптимальной (вероятно, это будет средняя) возбудимостью. В этот же момент вся остальная часть больших полушарий находится в состоянии более или менее пониженной возбудимости. В участке больших полушарий с оптимальной возбудимостью легко образуются новые условные рефлексы и успешно вырабатываются дифференцировки... Другие же отделы их, с пониженной возбудимостью, на это не способны, и их функцию при этом – самое большее – составляют ранее выработанные рефлексы, стереотипно возникающие при наличии соответствующих раздражителей» [1, с. 58 – 59].

Посыл, заложенный в данных рассуждениях, может быть сформулирован следующим образом: при наличии властных полномочий, человеческого материала и твердой экспериментальной базы измерение и соотнесение определенных количеств нервного возбуждения с тем или иным «психическим» процессом или состоянием – лишь дело времени. Какое государство не желало бы иметь в своем распоряжении механику энтузиазма и работоспособности индивида, шкалу его социального тонуса? И что не менее важно, диапазон фиксируемых значений нервного возбуждения позволяет установить среднее значение в качестве «оптимального», т.е. сформулировать сциентистскую дефиницию понятия «норма» в отношении поведения и образа мысли.

Пространственное мышление, привязывающее субъекта к участку в больших полушариях мозга, автоматически замыкает его жизнедеятельность и в рамках физиологического времени – циклов возбуждения-торможения-растормаживания. Это пример мнимой диалектики: тезису соответствует подлинный анти-тезис, но фаза «синтеза» не позволяет субъекту переместиться на качественно иной уровень развития, движение происходит в одной и той же плоскости. Мы наблюдаем эффект истины, но он – кратковре-

нен, как кратковременна агония бабочки, попавшей в морилку энтомолога-коллекционера. Иначе говоря, физиологическая истина неполноценна, поскольку она не преобразует, а поработывает субъекта, занятого ее поисками (взаимоотношения субъекта и истины подробно анализируются в курсе лекций М. Фуко, изданном под названием «Герменевтика субъекта» [6]).

Характеристика «естественнонаучного ума». Проблемы национального самоопределения и свободы. Универсальный характер физиологического мышления демонстрируется Павловым посредством его использования в формулировке некоторых проблем, связанных с национальным самосознанием восточных славян. Выясняется, что русский народ и мыслит, и ведет себя крайне нефизиологично, в том числе и в вопросах социокультурной и социополитической организации. В качестве иллюстрации можно привести следующее высказывание академика: «Но если целый народ, в своей главной низшей массе недалеко отошедший от рабского состояния, а в интеллигентских слоях большею частью лишь заимствовавший чужую культуру, и притом не всегда удачно, народ, в целом относительно мало давший своего самостоятельного и в общей культуре, и в науке, – если такой народ вообразит себя вождем человечества и начнет поставлять для других народов образцы новых культурных форм жизни, то мы стоим тогда перед прискорбными, роковыми событиями, которые могут угрожать данному народу потерей его политической независимости» [1, с. 96]. Здесь мы видим не только результат анатомического анализа этноса с позиции физиологической нормы, но и попытку прогнозирования его судьбы, впрочем, еще не легализованную в рамках сложившейся социальной системы и поэтому далекую от реальности.

Основанием для оценок подобного рода выступает у Павлова концепт некоего «идеального естественнонаучного ума», используемого, согласно его собственным словам, в качестве «общего аршина» для измерения степени рациональности народов. Хотя Павлов не упоминает Ф.И. Тютчева, но речь несомненно идет о полемическом выпаде, направленном против сакраментального «Умом – Россию не понять...». Каково же соотношение физиологического мышления и естественнонаучного ума? Если в первом случае подразумевается отчужденный от субъекта *процесс*, который характеризует динамику истины до момента ее остановки и умерщвления, то во втором – собственно пункт назначения, «проекторская» субъекта как носителя устойчивой совокупности качеств «настоящего ученого».

Постоянное сосредоточение, стремление к непосредственному видению действительности, абсолютная свобода, абсолютное беспристрастие, чрезвычайное внимание к деталям, стремление к полной ясности (пониманию), любовь к истине, смирение мысли – таков, согласно Павлову, перечень качеств «естественнонаучного ума» [1, с. 98 – 106]. Для «русского интеллигентского ума», напротив, характерны сплошь одни недостатки: рассеянность и подвижность, пренебрежение фактами в пользу слов, несвобода, пристрастность, приверженность общим положениям, отсутствие стремления проникнуть в сущность вещей, стремление к новизне (праздное любопытство), претенциозность [1, с. 111 – 123].

Как доказательство того, что это именно недостатки, а не просто особенности, Павлов приводит тезис *о низкой производительности собак с соответствующим типом нервной системы* в отношении формирования условных рефлексов в лабораторных условиях. Отдавая себе отчет, что он применяет свой общий аршин, произведенный на почве научного этоса европейцев, к измерению явлений, выходящих далеко за рамки научной жизни, Павлов специально оговаривается, что он не считает нужным рассматривать, с одной стороны, «русский научный ум» в силу «оранжерейного» характера последнего, а с другой – невежественный «русский крестьянский ум», который вовсе не стоит принимать во внимание.

Данный пример анатомического анализа является весьма показательным и в плане аргументации (проверено на собаках), и в плане беспощадной самокритики (в нем Павлов самым явным образом обнаруживает пристрастность, претенциозность и, главное, рабскую, западническую установку собственного интеллигентского ума).

«Признак истины – простота...» [1, с. 104], иными словами, необходимый эффект истины часто достигается путем ее преподнесения в примитивном и незамысловатом виде. Поэтому при всей сомнительности методологии Павлова и допущенных им злоупотреблениях разумом, необходимо признать справедливость (хотя бы и ущербную) его оценок в изображении «собачьего сердца» русского человека. Тем более что подобные оценки русской интеллигенции в постреволюционный период были широко распространены и в самой интеллигентской среде, о чем свидетельствуют сборники статей «Вехи» и «Из глубины» [7]. Однако авторы этих статей (Н. Бердяев, С. Булгаков, Б. Кистяковский, М. Гершензон и другие) видели выход из социокультурного тупика не в дрессуре восточных славян в соответствии с европейскими социальными технологиями, а в создании условий для творческого саморазвития личности в контексте национальной жизни.

Не менее уверенно физиологическое мышление разрешает и проблемы мировоззренческого, экзистенциального и смысложизненного характера. Поводом к «философствованию» для Павлова, как и для

инженера Кириллова из «Бесов» Ф.М. Достоевского, становится феномен самоубийства. Павлов с тревогой констатирует рост числа самоубийств в постреволюционной России, пытаясь в рациональном физиологическом объяснении данного явления найти средство спасения.

Он указывает на существование у живых существ некоего «инстинкта достижения цели», т.е. рефлекса, который побуждает их стремиться к биологически или социально значимому результату. Причем если речь идет о людях, *смысл и ценность* цели необходимо отделять от самого акта стремления [1, с. 69]. Цель всегда вторична по отношению к «темному, первичному, неодолимому влечению». Понятия «инстинкт» и «рефлекс» Павлов употребляет как синонимы, хотя отмечает, что с точки зрения физиологического мышления предпочтительнее второе, так как в нем «отчетливее идея детерминизма, бесспорнее связь раздражителя с эффектом, причины со следствием» [1, с. 68]. Кроме того, мы узнаем, что рефлекс достижения цели у русских в отличие от представителей цивилизации Запада выражен крайне незначительно. Собственно здесь и зарыта собака: «...если обратиться к корню вещей, то явления самоубийства представляются в виде падения инстинкта достижения цели. А это падение основано частью на исторических условиях, а частью на отсутствии мысли о том, что есть такой инстинкт, который надо сознавать и беречь, и тогда он страшно украсит жизнь как личную, так и коллективную» [1, с. 67].

В случае с «рефлексом достижения цели» мы имеем дело с метафизиологической категорией, изобретенной Павловым в противоречии с основным посылом физиологического мышления, и именно поэтому (поскольку она выходит за границы области, в рамках которой распределяются эффекты физиологической истины) являющейся научной фикцией. Очевидно, что «темное, неодолимое влечение» к неопределенной цели не может быть концептуализировано на том же уровне и в тех же понятиях, что и чихание, непровольное моргание либо слюнная реакция. Соединение механицизма с телеологизмом не дает однородной субстанции дискурса. Либо вытеснение, с одной стороны, и латентный характер – с другой, либо параллельное, незаинтересованное сосуществование. Отсюда и необходимость внушения русскому человеку мысли о том, что «есть такой инстинкт» и его нужно беречь и лелеять, как будто без этой мысли рефлекс при всем своем детерминизме не имеет возможности быть реализованным.

Рассуждения Павлова о рефлексе достижения цели можно рассматривать как предваряющие постановку проблемы свободы. Как и следовало ожидать, свобода в терминах физиологического мышления становится характеристикой рефлекторной активности: «То, что мы называем свободой, то у нас на физиологическом языке называется раздражением... то, что обычно зовется дисциплиной – физиологически соответствует понятию «торможение»... Раздражение – это нечто хаотическое, а торможение вставляет эту хаотичность в рамки» [1, с. 118]. Противопоставление свободы дисциплине, как и указание на «хаотичность» первой, говорят о том, что для Павлова в действительности существует лишь негативная свобода, которую он, кроме того, склонен абсолютизировать.

Но чем тогда является *рефлекс* свободы как «общее свойство, общая реакция животных, один из важнейших прирожденных рефлексов» [1, с. 78], если вспомнить, что данное понятие у Павлова весьма отчетливо выражает идею детерминизма? Мерой познанный необходимости? Однако безусловный характер рефлекса свободы указывает на область за пределами «сознания», т.е. участка с оптимальным (средним) возбуждением, где формируются условные рефлексы, а значит, возможен познавательный процесс. Таким образом, познание (обретение истины) не является у Павлова условием свободы.

Кроме того, Павлов утверждает, что вместе с рефлексом свободы существует также прирожденный рефлекс рабской покорности [1, с. 79]. И поскольку обреченность на свободу столь же закономерна, сколь и обреченность на рабство, различие между ними становится неочевидным.

Таким образом, рефлекс свободы есть либо *мера непознанной необходимости*, либо (при условии наличия мысли о том, что есть такой рефлекс) *мера осознанного рабства*. Рабское сознание отдает себе отчет в том, что оно зависимо, но при этом совершенно не восприимчиво к перспективе освобождения.

Заключение. Анализ рефлексологии целеполагания и свободы по Павлову приводит к следующим выводам:

- поскольку цель сама по себе вторична по отношению к инстинктивному влечению, целеполагание не может быть условием свободного выбора. Все в поведении человека определяет животная механика его организма, не оставляющая места позитивной свободе. Вопрос лишь в том, осознает он этот факт или нет;

- выпадение из сети причинно-следственных связей, действие, совершенное вопреки «природе», рефлексу, как, например, самоубийство, есть результат чрезмерной «заторможенности», либо, напротив, рефлекторного хаоса – то есть в любом случае некой физиологической аномалии, патологии адаптационных ресурсов организма;

- этнические общности, так же как и отдельные организмы, отличаются друг от друга степенью выраженности своих безусловных и условных рефлексов. Восточных славян на этом основании нужно признать нацией не вполне здоровой, о чем свидетельствуют и распространенность самоубийств в России, и устойчивая индифферентность русской интеллигенции по отношению ко всякой «науке». И здесь дрессировка должна исправить огрехи эволюции вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов, И.П. Рефлекс свободы / И.П. Павлов. – СПб.: Питер, 2001. – 432 с.
2. Ионе, В.И. Сциентизм и Христианская Наука: анализ «геометрической» теологии Мэри Бэйкер-Эдди / В.И. Ионе // Научные труды Могилевского филиала БИП: Право. Политика. Экономика; под ред. А.А. Скикевича. – Могилев: МФ ЧУО БИП, 2009. – Вып. 8. – С. 52 – 56.
3. Ионе, В.И. Доктринальные основы сциентистских культов современности: сравнительный анализ вероучительных положений Христианской Науки, саентологии и «квантовой психологии» Р.А. Уилсона / В.И. Ионе // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – Новополоцк, 2010. – № 1. – С. 100 – 108.
4. Ионе, В.И. Психологические основы антропологии и культовых практик низшего уровня саентологической церкви / В.И. Ионе // Вестн. Белорус. гос. ун-та. Серия 3. – Минск, 2010. – № 3. – С. 44 – 47.
5. Ионе, В.И. Концепция «позитивной политики» в утопической доктрине Сен-Симона / В.И. Ионе // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – Воронеж, 2013. – № 1. – С. 179 – 184.
6. Фуко, М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981 – 1982 учебном году / М. Фуко; пер. с франц. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2007. – 677 с.
7. Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. Из глубины: сб. ст. о русской революции. – М.: Правда, 1991. – 608 с.

Поступила 04.11.2013

PROBLEMS OF FREEDOM AND NATIONAL SELF-DETERMINATION IN I. PAVLOV'S METAPHYSIOLOGICAL DISCOURSE

V. IONE

The urgency of this topic is determined by the necessity of research of natural mechanisms and specificity of the scientific and technological processes of modern society. These processes lead to the crisis of the humanistic world view, to the wide spreading of "social technologies" and dehumanised strategies of positive rational reorganisation of society. I. Pavlov's metascientific speculation is considered and exposed to the critical analysis in the article. Such notions as "physiological thinking" and "natural sciences mind" are characterized. The problems of truth and of freedom are analyzed in the context of the scientific views. The conclusion about a repressive orientation of Pavlov's views to social system is drawn.